

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО ДАНГАР

В конце XIX в. в русском говоре села Самарово, расположенного на берегу Иртыша, недалеко от его устья, Хр. Лопаревым было зафиксировано слово дангар - рыболовецкий термин со значением "толстая палка на поверхности воды у перемета" [1. С. 226]. Н. А. Варпаховский, в то время специально занимавшийся изучением рыболовства в бассейне реки Оби, в описании устройства стерляжьего перемета на Иртыше и Тоболе употребляет слово дангара, которое, вероятно, слышал в речи местного русского населения: "Для постановки перемета делается "анатчин", "дангара" - толстое бревно длиною до $1\frac{1}{2}$ сажни с зарубкой на расстоянии от конца 2 арш." [2. С. 40].

В 1976 г. в селе Реполово Ханты-Мансийского района Тюменской области сотрудниками топонимической экспедиции Уральского университета был отмечен рыболовецкий термин дангара, который по нижнему Иртышу больше нигде не удалось зафиксировать. Вместе с тем в говорах других населенных пунктов Нижнего Прииртышья¹ в 1975-1976 гг. экспедицией были выявлены широко известные и употребительные слова дангара (Х-М., Ув.)², янгара (Ув., Тоб.)³, янгара (Ув., Тоб.)⁴. Как и дангара, они обозначают большой поплавок из палки, чурбана, бревна на якоре, прикрепленный к сети, самолону, перемету и т.п.

1. Были обследованы все старожильческие населенные пункты Ханты-Мансийского, Уватского и Тобольского районов, расположенные по нижнему течению Иртыша от Тобольска до Ханты-Мансийска.
2. Ханты-Мансийский район: Батово, Семидка, Цингалы, Чембакчина, Горноправдинск; Уватский район: Шалимова, Тугалово, Демьяновое, Большой Ярок, Малый Ярок, Ишик, Юрвск, Солянка, Осинник, Трошина, Герносликино, Луговосликино. Здесь и ниже населенные пункты перечисляются в порядке их расположения по реке (снизу вверх).
3. Уватский район: Трошина, Луговосликино; Тобольский район: Нижние Ареманы, Бронниково, Большая Шестакова, Бабандина.
4. Уватский район: Уват, Трошина, Алынка; Тобольский район: Панушкова, Старая Ушарова, Бабандина, Малая Шестакова, Итаманы.

для указания места, где установлена рыболовная снасть. Это же приспособление используется для обозначения мелких мест в реке. Ср.: "Ленгар на себе ловушку держит, бревно вместо наплавки стоит на якоре, самолеты ставили на ленгары" (с.Реполово). "На ленгары ловушки ставят, чтобы метка была, где-ка он" (с.Осинник). "Ленгарь штоб переход на мель не зашел или невод не пустили" (д.Большой Ирек). "Когда илгарь привязан, видно, што ловушка стоит" (д.Большая Местыкова). "Нагави ставили для того, штобы знать, где самолет, илгарь делается, как палка большая" (д.Бабандина).

У слово ленгарь в Ханты-Мансийском районе было выявлено еще два значения: "якорь у лодки" (д.Луговофилинская) и "лодка с острым носом, сколоченная из досок" (с.Бытово). Значения эти, скорее всего, вторичны и разделились в результате метонимии.

В других русских говорах ни одно из этих слов не известно.

Попытки этимологизации областного тобольского лангар, попавшего в словари из работы Хр. Лопарева, предпринимались неоднократно.

Первое указание на происхождение слова было в "Словаре русского языка, составленном вторым отделением императорской Академии наук", где оно прилежено с пометой "с перс." и ссылкой на А.Н.Самойловича [З. С. 169]. Однако персидский язык не мог быть прямым источником заимствования, которое отмечено лишь на Тобольском Севере.

В Нижнем Прииртышье русские издавна контактировали с коренным обско-угорским и тюркским населением края, а контакты русских с тоболь-иртышскими татарами продолжаются так и в настоящее время. Поэтому вероятнее всего, что и интересующий нас термин был заимст-

зован русскими говорами из местных обско-угорских или тюркских диалектов⁵.

В этом направлении вел поиски источника русского диалектного лангар В.Штейниц. Он дважды обращался к выяснению этимологии слова, известного ему также из работы Хр. Лопарева.

Вначале Штейниц (OLR, 503) возводил рус. лангар к хант. län-kär, принимая во внимание сын. läjkär, казым. läjkär, обд. lärkär, низям., шерк. täjkär "плечо, ось", вах. läjkär "нижняя часть руки", басюг. jäjkär "рука", ирт. tärkär "плечо, ось".

Предполагаемый этимон русского слова выдвинулся им и в составе сложных хантыйских слов: наул. läjkär-öñ "столб перед устьем верши", казым. роñ-läjkär-juñ "палка верши" или "опора верши в запруде" (Давос VII, 782). По мнению Штейница, "только первая часть остяцкого сложного слова перешла в русский язык" (OLR, 503).

В хантыйском словаре Карьялайнена-Тойвонена приводятся еще камен. täjkär "плавающая на поверхности воды палка якоря, ланкар(1)", ивак. länkär (karj, 1068 а), но Тойвонен считает эти слова тюркизмами или же заимствованными из русского [4. С.20]. Тюркские соответствия были найдены им в "Опыте словаря тюркских наречий" В.В. Радлова: längür "якорь" (тур.), "поплавок удочки" (тоб.-тат.), "балка, к которой привязаны шнурки с удочками" (тоб.-тат.), куман. läpar (из перс.) [5. С.744, 745]⁶.

5. Как известно, нижнее течение Иртыша является территорией старой русской колонизации (с конца XVI - начала XVII вв.). В результате длительного и тесного общения с русскими произошло обрусение иртышских ханты и развилось двуязычие у тоболо-иртышских татар. Взаимоотношения русских жителей Нижнего Прииртышья с кондиноками манси и с северными и восточными ханты также имели место. Иноязычие окружение отразилось, в свою очередь, и на русских говорах исследуемой территории, наиболее ярко проявившись в области фонетики (о чем свидетельствуют работы И.А. Романовой), а также в лексики. История заселения края русскими и этнографические условия формирования здесь русских говоров изучены также И.А. Романовой, и рассматриваются в ряде ее статей.
6. Происхождение тюркских слов и послужило основанием считать русское (тоболоское) лангар персидским заимствованием.

Учитывая мнение Тойвонена, Штейниц впоследствии отказывается от принятого им предположения о происхождении русского дангар и причисляет хантыйские диалектные формы lärkäč (эвк.), lärkäč (ва-сиг., в-налым.), tärkäč (ирт.), tärkäč (низям., шерк.), lärkäč (казым.), lärkäč (сын.), tärkäč (обд.) и лексическому фонду уральских языков, отмечая, что они (как и назым. roij-lärkäč-juk) не являются источниками русского слова (ДЖМОС УП, 781-782). Таким образом, Штейниц оставляет вопрос о языке-источнике русского диалектного дангар открытым.

М.Ряснен не этимологизировал русское дангар, но в "Опыте этимологического словаря тюркских языков" в качестве тюркизма привел (без указания распространения и значения) рус. дангар (вероятно, взятое из работы Тойвонена) [6. С.316].

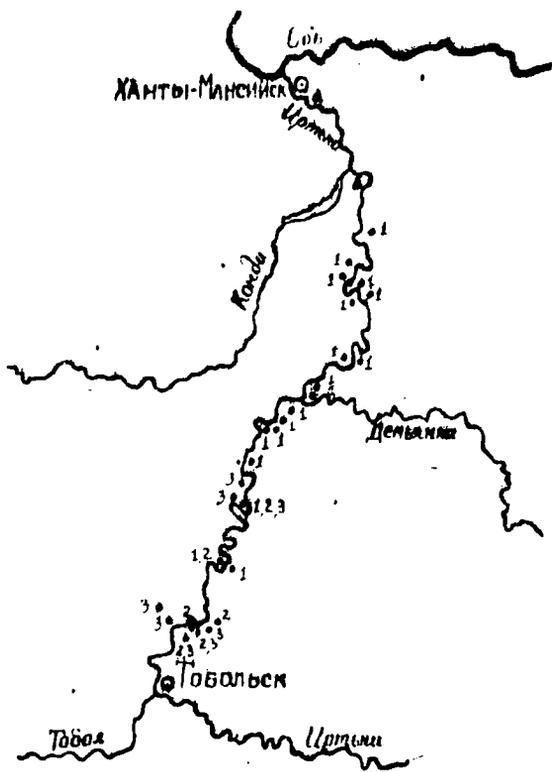
А.Б.Аникин, принимая во внимание данные Ряснена, относит дангар к тюркизмам [7. С.34; 8. С.117]. К тюркским соответствиям добавляет сиб.-тат. дэңгэр "поплавок" и сопоставляет русское слово (след за Тойвоненом и Штейницем) с упомянутым выше хант. tärkäč и tärkäč (< тюрк. или < рус.).

На наш взгляд, необходима более детальная разработка вопроса о происхождении не только русского (тобольского) дангар, но и дангара, дангар, донгар, дэнгарь, энгарь, ангарь.

1. При отнесении форм дангар, дангара, донгар к тюркскому источнику смущает распространение этих слов на севере региона исследования (см. карту), где русские контактировали не с тюрками, а с хантами. В связи с этим нежестко более вероятной возможностью заимствования тюркского слова через хантыйское посредство. Кроме того, не обосновательно предположение Штейница о связи русского слова (и его вариантов) с северохантыйскими формами в значении "плечо", поскольку в хантыйском языке мог быть представлен специфический термин-метафора, который возник в результате семантического сдвига по модели "плечо" — "плечо верши и т.п.". Не случайно же появление в хантыйском языке сложных слов со значениями "столб перед

7. Северная граница проживания тюрков по нижнему Иртышу проходит южнее Увата. О расселении ханты и татар соответственно в северной и южной частях региона свидетельствуют и данные топонимии.

КАРТА
 распространения форм лангар, лонгар, ленгарь, енгарь,
янгарь в русских говорах по нижнему течению Иртыша

Условные знаки:

▲	лонгар, лангар
• 1	ленгарь
2	енгарь
3	янгарь

устьем верши", "опора верши в запруде" и т.п.⁸ Следует учесть также, что в процессе освоения заимствования могла произойти контаминация собственно хантыйских слов, хантыйских слов тюркского происхождения и тобольско-татарских эквивалентов.

При соотношении слов данкар и дангар выявляется варьирование заднеязычных в этих формах, что можно объяснить особенностями русской адаптации заимствования, в результате которой хантыйский к, находящийся после п, мог по-разному субституироваться в русском языке. Варьирование к/г может свидетельствовать и о неразличении звонких/глухих согласных, которое развилось в исследуемых говорах в условиях иноязычного окружения⁹. На закрепление варианта со звонким заднеязычным мог повлиять и консонантизм хантыйских форм lãŋgar и lêngar¹⁰, а также соответствующего тобольско-татарского слова.

Варианты дангар/дангара/донгар легко объяснимы на русской почве: форма дангара свидетельствует об осмыслении слова как существительного женского рода, вариант донгар можно считать результатом гиперкоррекции на фоне оказавшего преобладания носителей современных русских говоров Ханты-Мансийского района.

2. Происхождение формы дангара, известной в части населенных пунктов Ханты-Мансийского района и почти повсеместно в Уватском районе, может быть связано как с хантыйским, так и с тюркским воздействием на русские говоры Нижнего Прииртышья. И в этом случае тюркское воздействие могло осуществляться через хантыйское посредство II.

8. Ср. также назым. лãŋкар, л.-эблэх "мелькоячеистая часть невода перед кошолом", ррп-л. "самое широкое место в верши" (DEWOS VII, 782).

9. См. об этом в работах М.А.Романовой.

10. Здесь необходимо выяснить причину появления г в хантыйских словах.

II. Не исключая в отдельных случаях возможности заимствования хант. < тат. или < рус., мы предполагаем, рус. < хант. < тат.

Кроме уже приведенных тобольско-татарских соответствий ср. тоб.-тат. лянгарь "поплавок, зяточник" [II. С.41], товр. лэнгар "поплавок" [II. С.208, 869].

Смягчение конечного согласного ($p > p'$) могло произойти на русской почве вследствие ассимиляции начальному д, который, в свою очередь, был усвоен русскими говорами как смягченный, вероятно, в силу его альвеолярной артикуляции в тобольско-татарском диалекте [см.: III. С.53]. Татарский звук я (ә) закономерно передается русским е, сочетание нд - русским нд. Появление непереднего гласного а во втором слове можно объяснить воздействием и хантыйских форм, и тобольско-татарского лянгарь, и заимствованного русского дангар. Следует указать на нехарактерность положения гласных переднего ряда после заднеязычных в русском языке, в связи с чем гласный я тюркского слова в процессе русского усвоения передается как а, но в качестве компенсации развивается смягчение следующего за ним согласного. Наконец, -арь могло появиться в слове по аналогии (ср. паскарь, сухарь).

Нельзя исключить возможность появления лэнгарь из дангар в результате фонетической переработки заимствования русским языком: скопление трех сонорных в одном слове, среди которых н в сочетании с г, не характерно для русского языка, поэтому они подвергаются изменению. В условиях еще не сформировавшейся корреляции согласных по мягкости/твердости (если предположить, что это раннее заимствование) возможно было колебание д/д', что поддерживалось качеством артикуляции д у тобольских татар. После переднего д, который мог произноситься как палатальный, и перед нд гласный а, находящийся при этом в слабой, безударной позиции, легко мог измениться в а. О причинах изменения $p \rightarrow p'$ мы уже говорили.

3. Остается выяснить происхождение форм энгарь и янгарь. Возможно, что это фонетические варианты к лэнгарь, появившиеся на русской почве. Подтверждением этого предположения может быть фиксация в говоре для одного и того же населенного пункта форм лэнгарь и энгарь (д. Луговосликино, Ув.), лэнгарь, энгарь и янгарь (д. Трошина, Ув.). Тогда необходимо установить причину перехода (замены) начального д > д'. В исследуемых русских говорах такое явление не наблюдается. Не отмечено оно и в тобольско-татарском диалекте. Тем не менее для такого перехода имеются некоторые основания, и связаны они

с иноязычным окружением русских говоров Нижнего Прииртышья¹².

Во-первых, формы енгарь и янгарь отмечены в южной части региона. Это позволяет искать причину их появления в особенностях тобольско-иртышского диалекта сибирских татар.

Боковой плавный сонант д в тобольско-иртышском диалекте очень редко встречается в начале слова — только в заимствованных словах и в звукоподражаниях, в том числе и в слове дангарь, заимствованном из персидского [13. С.53; 14. С.42, 136; 15. С.60].

Среднеязычный щелевой сонант д в данном диалекте не ограничен в своем употреблении какой-либо позицией в слове. При этом тобольско-иртышский диалект относится к группе йокающих языков, т.е. употребляющих в начале слова д из чередующихся по тюркским языкам начальных согласных д ~ ж ~ и ~ э' ~ д' ~ ч ~ а ~ с' [15. С.60-61]. В связи с этим можно предполагать, что нехарактерный начальный д в слове дангарь тобольские татары могли заменить широко употребительным в начале слова д, а форма *дангарь (?) была источником русских диалектных форм енгарь и янгарь. Передача татарского д через русское 'д и 'я закономерна.

Во-вторых, следует учесть, что русское население нынешнего Тобольского района активно контактировало с начала XVII в. с кондинскими манси¹³. В мансийском языке искомого слова нет, но мена д'-д обычна в мансийских диалектах [16. С.31-32; 17. С.15]. Наконец, в диалектах хантыйского языка имеется соответствие т ~ д ~ д' ~ д¹⁴.

Все эти факторы могли способствовать возникновению в русских говорах Нижнего Прииртышья мена д'-д, которая, очевидно, не стала устойчивым явлением и быстро исчезла, но о былом существовании та-

12. Автор выражает глубокую признательность И.А. Романовой за консультацию по данному вопросу.

13. См. работы А.А. Дукина-Горкавича по Тобольскому Северу.

14. Ср.: "Шуршкарский говор является л-овым, навымский л'-овым, а ореднаобский т-овым, ... агено-юганский говор является л'-овым, олымский т-овым..., ваховский говор л-овый, васюганский й-овый" (Языки народов СССР: В 5 т. М., 1966. Т.3: Финно-угорские и самодийские языки. С.340). Можно было бы сопоставить рус. енгарь с васюг. дэжжэж, но слишком мала вероятность заимствования слова из далекого васюганского диалекта.

ного варьирования свидетельствует субституция $\underline{д} > \underline{д}'$ в отдельных словах ¹⁵.

Таким образом, история появления в русских говорах севера Тюменской области заимствованного слова дангар и ряда его вариантов отражает сложный процесс ханты-йосе (шире - обско-угорско)-тюркско-русского взаимодействия на исследуемой территории. Это заставляет учитывать возможность и хантыйского, и тобольско-татарского происхождения заимствования, а также предполагать возникновение вариантов на русской почве в условиях иноязычного окружения. При этом необходимо иметь в виду разного рода контаминации, которые могли возникать в процессе заимствования и усвоения соответствующих хантыйских (в том числе татарского происхождения) и тобольско-татарских слов.

Возможно, дополнительная проверка этого материала в полевых условиях у тоболо-иртышских татар и северных ханты и новые фиксации заимствования в русских говорах Нижнего Прииртышья и соседних территорий позволят внести дальнейшие уточнения в предлагаемую этимологию.

Источники и литература

1. Лепарев Хр. Самарово: Село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896.
2. Варлакович Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. Ч. I: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла.
3. Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук. Пг., 1915. Т. 5, вып. I.
15. Ср., например, такие гиперимы, как горносталь, тодьмень, хондодьствонвал, возникшие при отходе от неразличения $\underline{д}$ и $\underline{д}'$. По наблюдениям М.А. Романовой, фонема $\underline{д}$ в архаическом слове русских говоров по нижнему течению реки Оби может быть противопоставлена некоторым мягким фонемам, в том числе $\underline{д}'$; и ряду твердых фонем, в том числе $\underline{д} - \underline{д}'$. В частности, отмечается нейтрализация $\underline{д}$ и $\underline{д}'$ в позиции перед $\underline{в}$ (см.: Романова М.А. Фonetическое содержание звука $\underline{д}$ в русских говорах по нижнему течению реки Оби // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983. С. 110-113).

4. Toivonen Y.H. Türkische Lehnwörter im Ostjakischen // JSFOu LII. Helsinki, 1943-44.
5. Радлов В.В. Опыт словаря турецких наречий: В 4 т. СПб., 1893-1911. Т.3.
6. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türgsprachen. Helsinki, 1969.
7. Анинин А.Е. Из этимологических наблюдений над тюркизмами в русских говорах Сибири // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков: Сб. Новосибирск, 1986.
8. Аникин А.Е. Материалы для "Этимологического словаря русских говоров Сибири" // Русская лексика в историческом развитии: Сб. Новосибирск, 1988.
9. Тумашева Д.Г. Кенбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961.
10. Monti L. Nordostjakisches Wörterverzeichnis. Szeged, 1982.
11. Слова моренные, нужнейшие и сведения для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской глашаной школе учителем татарского языка ... священником Иосифом Гигановым ... СПб., 1801.
12. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1968. Прил.: Диалектологический словарь.
13. Дмитриева Л.В. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951.
14. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968. Ч.2.
15. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977.
16. Ромбандеева Е.И. Мансийский язык. М., 1973.
17. Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.; Л., 1936.